

Русский Север в 1620–1640-е гг.: возможности и ограничения статистических методов

Дмитрий Лисейцев

**Cities of the Russian North in the 1620s–1640s:
possibilities and limitations of statistical methods**

Dmitry Liseitsev

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
HSE University, Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23020025, EDN: BHUIMD

Экономическая история Московского государства в силу состояния источниковой базы остаётся изученной неравномерно и в целом недостаточно полно. В более выгодном положении оказались города и уезды Русского Севера, находившиеся в ведении приказов Новгородской и Устюжской четвертей, чьё делопроизводство неплохо сохранилось. Это обусловило появление серии исследований по экономической истории отдельных северных городов XVII в., классикой среди которых является монография А.Ц. Мерзона и Ю.А. Тихонова о рынке Великого Устюга¹. Исследователи, как правило, ограничиваются рассмотрением сюжетов, связанных с одним городом или уездом, обобщающие работы по истории Русского Севера XVII в. — большая редкость. Среди них особого упоминания заслуживают книга М.С. Черкасовой² и статья И.В. Пугача³. Последняя из названных работ, содержащая богатый фактический материал, подвергнутый глубокому статистическому анализу, вдохновила меня на написание статьи по близкой тематике. Пугач как основной источник исследования использовал приходо-расходные книги и сметные росписи Устюжской и Новгородской четвертей, а также городовые сметные списки, охарактеризованные им как «позволяющие в целом определить уровень социально-экономического развития отдельных городов и уездов». Реконструируемая на их базе картина представляется исследователю «адекватной реальному соотношению социально-экономических параметров отдельных административно-территориальных и финансовых округов». Для выявления социально-экономической динамики он выбрал «срезы» за 1620/21, 1627/28 и 1643/44 гг.⁴

Предложенную Пугачем методику можно признать продуктивной, но необходимы уточнения. Приходо-расходная документация московских прика-

© 2023 г. Д.В. Лисейцев

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

¹ Мерзон А.Ц., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960.

² Черкасова М.С. Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М., 2017.

³ Пугач И.В. Города Русского Севера в первой половине XVII в.: социально-экономический рейтинг // Российская история. 2022. № 1. С. 67–86.

⁴ Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 68–69, 81.

зов, иллюстрируя финансовые итоги сбора податей, редко позволяет узнать, насколько лёгкой или тяжёлой была фискальная нагрузка на население, и от исследователя ускользает общественная сторона социально-экономического развития региона. Необходимы и коррективы предложенной методики «срезов». Говоря об экономическом развитии Русского Севера, следует помнить, что мы имеем дело с динамично меняющимися показателями, зависящими как минимум от капризов природы, и поэтому метод «срезов» может дать искажённую картину. Например, в 1620/21 г. сумма кабацкого и таможенного сборов в Кольском остроге составила 2 507 руб., в 1627/28 – 2961, 1643/44 г. – 2 197 руб., что соответствует обозначенной исследователем картине потери Кольским уездом прежнего экономического потенциала. Но сместив «срез» лишь немного, видим уже иную динамику. В 1619/20 г. кабацких и таможенных денег в Кольском остроге собрали на сумму 1 711 руб., а в 1621/22 г. – около 3 100 руб. Ещё большие расхождения мы увидим между сборами 1627/28 и 1628/29 гг. – 2961 и 6 294 руб. соответственно. В 1642/43 г. Кольский острог обогатил казну за счёт таможи и кабака лишь на 1 860 руб. Взяв в качестве точек «среза» 1619/20, 1628/29 и 1642/43 гг., мы бы увидели сначала увеличение доходов в 3,7 раза, а затем почти столь же грандиозное падение – в 3,4 раза, но между 1619/20 и 1642/43 гг. всё же констатировали бы небольшой, 8-процентный прирост. Нивелировать годовые колебания сборов, безусловно, можно, если брать усреднённые показатели за несколько соседних лет, допустим, не за один 1643/44, а за 1642/43–1644/45 гг. В большинстве случаев источники такую возможность предоставляют.

Несколько слов следует сказать относительно выбранных Пугачем «срезов». Последний из них не вызывает сомнений, давая возможность подвести итоги экономической политики царя Михаила Фёдоровича. Выбор в качестве отправной точки 1620/21 г. не столь бесспорен. Есть основания сомневаться в том, что сборы начала 1620-х гг. адекватно отражают картину экономического состояния северных городов. В Великом Устюге и Соли Вычегодской местные жители довольно долго скрывали от правительства реальные размеры кабацких и таможенных доходов, утаивая более половины собираемых денег⁵. Скорее всего похожая ситуация наблюдалась и в других местах. Оценивая реальные темпы экономического развития Московского государства по завершении Смуты, отталкиваться нужно от поступлений середины 1620-х гг., когда правительство разобралось в реальной картине фискального потенциала подвластных территорий. В качестве второго «среза» я предлагаю использовать середину 1630-х гг.: это позволит рассматривать экономическую динамику на равных десятилетних отрезках и оценить влияние на Русский Север реалий, связанных с вступлением страны в Смоленскую войну, когда правительству пришлось поднимать ставку уже существовавших налогов и вводить новые – экстраординарные – подати.

Источниковая база для изучения экономической истории северных уездов Московского государства первой половины XVII в. главным образом представлена материалами делопроизводства Устюжской и Новгородской четвертей. Первая ведала Великим Устюгом, Солью Вычегодской, Тотьмой, Чарондой и Устьянскими волостями; в ведении второй находились Великий Новгород,

⁵ Лисецев Д. В. «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610–1620-х гг. // Российская история. 2018. № 4. С. 90–110.

Псков, Архангельск, Вологда, Вятская и Пермская земли, Кольский острог, Мезень, Каргополь и Пустоозерск. Сохранность документов Устюжской четверти может быть признана высокой: мы располагаем приходо-расходными материалами и текущим документооборотом этого приказа с начала 1620-х гг. почти без лакун⁶. Сохранившийся массив делопроизводства Новгородской чети выглядит скромнее — между доступными исследователю приходо-расходными материалами этого ведомства имеются большие хронологические разрывы⁷. Пробелы отчасти восполняются сметными росписями приказа 1627/28, 1633/34, 1638/39, 1643/44 и 1644/45 гг. и окладной росписью 1628/29 г.⁸ Сведения об экономическом состоянии отдельных городов, подведомственных Новгородской четверти, можно почерпнуть в городских сметных списках⁹. Наличие значительного массива сохранившейся документации Устюжской и Новгородской четвертей, а также единство территориального массива, подведомственного этим приказам, делает возможной реконструкцию экономической динамики Русского Севера на значительном хронологическом отрезке.

Богатые возможности отслеживания динамики экономического состояния отдельных территорий предоставляют сведения о размерах кабацких и таможенных сборов. Такие данные, помимо уже перечисленных документов, можно почерпнуть в пошлинных и беспошлинных книгах Печатного приказа. Остро нуждавшееся после Смуты в денежных средствах московское правительство охотно передавало в откуп таможи и кабаки. При этом оформлялась откупная грамота с уплатой пошлины за приложение к грамоте печати (что и отмечалось в книгах Печатного приказа). Кроме того, сохранились две книги из архива Новгородской четверти, где зафиксирована информация о передаче в откуп различных хозяйственных объектов в городах, подведомственных приказу, за 13 лет (1630–1643)¹⁰.

Может ли информация о доходности кабаков и торгов быть отражением экономического состояния той или иной территории? Прибыльность таможи зависела от предпринимательской активности как местных жителей, так и приезжих торговых людей, повышение же или снижение питейных сборов отражает колебания уровня благосостояния посада и уезда в целом. Кабацкие и таможенные доходы в совокупности составляли львиную долю денег, поступавших в государственный бюджет с городов и уездов. В 1644/45 г. они дали от всех взятых в казну средств с Чердыни — 73%, с Кольского острога — 80, с Великого Новгорода, Пскова, Соли Камской — 95, с Архангельска и Вологды по 99%, причём то же соотношение имело место в этих городах и двадцатью годами ранее¹¹. Поэтому данные о количестве шедших в казну питейных и таможенных денег можно использовать для анализа экономического состояния соответствующих регионов Московского государства в целом. Тем более что

⁶ Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983 (далее — ПРК). С. 326–392; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Чаронда, кн. 2; Устюг, кн. 6, 9, 12а, 14, 16, 17, 21, 22, 28, 36, 43, 45, 51, 72; Тотьма, кн. 1; Суздаль, кн. 2.

⁷ ПРК. С. 7–141, 243–325; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, 28.

⁸ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, 18, 22, 29, 30; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.); оп. 2, д. 89; д. 62 (1640 г.).

⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 12-а, 13-б, 13-г, 19, 20, 21, 33; Псков, кн. 4.

¹⁰ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 23, 24.

¹¹ Там же, кн. 15, л. 47–52, 95–99, 192–210, 296–325; кн. 30, л. 15–17, 31–33, 58 об.–60 об., 121 об.–125 об., 156–157 об., 167–169, 226 об.–229 об.

сведения о них дают информацию об экономическом состоянии региона в динамике, позволяя отслеживать их колебания едва ли не погодно, тогда как размер четвертных доходов и стрелецких денег, исчислявшихся по зачастую устаревшим нормативам сошного письма, такую возможность исключает.

Формат статьи не позволяет подробно изложить экономическую историю полутора десятков городов Русского Севера, поэтому предоставляю читателю возможность проследить соответствующую динамику, опираясь на приведённые в приложении данные о таможенных и кабацких сборах за 1620–1645 гг. Первые из них в большей степени дают представление об экономической активности города. За 1625–1645 гг. таможенные прибыли в городах Севера выросли на 36,5% (с 47,7 тыс. до 65,1 тыс. руб.). На протяжении всего рассматриваемого периода по этому показателю лидировал Архангельск, где средние сборы по трём выбранным «срезам» составляли соответственно 24, 25,7 и 28,4 тыс. руб. При столь значительных суммах Архангельск демонстрировал слабую положительную динамику: за 1625–1635 гг. рост составил всего 7%, за следующее десятилетие — 16%, а за 20 лет темпы роста таможенных доходов в Двинской земле оказались вдвое ниже среднего для городов Севера уровня. Второй по прибыльности торговли была Вологда. Её средние сборы в те же три выбранных момента составляли 5,7, 7,4 и 11,7 тыс. руб. Относительный их рост за первые десять лет составил 30,5%, за вторые — 76%. Третье место удерживал Великий Устюг (4,2, 3,8 и 5 тыс. руб.). В первые десять лет сборы здесь упали на 8%, но затем выросли на 28%. Четвёртым по доходности торгов был Псков (2,4, 2,6 и 3,3 тыс. руб.), где рост составил в первое десятилетие 8%, во второе — 32%. Находившийся в 1625–1635 гг. на пятой позиции Великий Новгород (1,7 и 2,2 тыс. руб.) к концу царствования Михаила Фёдоровича, собирая в среднем 2,4 тыс. руб., уступил своё место Соли Камской. Последняя же, отставая сначала от городов первой четвёрки по абсолютным цифрам (0,9, 1,8 и 3,3 тыс. руб.), показала самые высокие темпы роста — 107% в 1625–1635 гг. и 164% в 1635–1645 гг. В пермских городах вообще наблюдалась высокая экономическая динамика. Кайгородок, державшийся среди городов Севера на последних местах по абсолютным суммам таможенных поступлений, по их относительному росту занимал второе место (89 и 152% соответственно). Административный центр Пермской земли — Чердынь, собиравший совсем скромные суммы, сборы за 1625–1645 гг. удвоил. Временем стагнации стали 1625–1645 гг. для Тотьмы и Яренска. Мезень, Кеврола и Кольский острог продемонстрировали заметное падение — на 40–50%. Пережившая в 1625–1635 гг. непростое время Соль Вычегодская за следующее десятилетие сумела выправить ситуацию, увеличив доходы к концу царствования Михаила Фёдоровича на 44,5%. Оправились от депрессии и торговые площадки Великого Устюга, хотя общими темпами роста (20%) от среднего уровня он заметно отставал. Несколько выше среднего оказался рост сборов в Новгороде (44%) и Пскове (40%).

Кабацкие прибыли в городах Русского Севера за 1625–1645 гг. выросли на 27,4% — с 47,8 до 60,9 тыс. руб. Перечень лидеров по питейным деньгам в целом совпадает со списком городов с наибольшими таможенными поступлениями, но имелись и нюансы. Архангельск, занимавший первое место по доходам от реализации алкоголя, показывал отрицательную динамику (9,5 тыс. руб. в середине 1620-х гг., 9 тыс. в середине 1630-х и 8,5 тыс. в середине 1640-х гг., т.е. каждое десятилетие сборы падали на 5%). Находившийся на втором месте

Великий Устюг также не мог похвастаться быстрым подъёмом, увеличив прибыльность сначала на 5,5%, а затем сократив её на 3% (8, 8,5 и 8,2 тыс. руб.). К середине 1640-х гг., опередив Архангельск и Великий Устюг, первое место по кабацким доходам заняла Вологда (4,8, 6,6 и 9 тыс. руб.). Рост прибылей от торговли алкоголем в Вологде составил 37% за первое и 49% за второе десятилетия. Четвёртое место сохранил Псков, где увеличение питейных сборов было относительно медленным — на 4,5% в 1625–1635 и на 13,5% в 1635–1645 гг. (4,5, 4,7 и 5,3 тыс. руб.). Следовавший за Псковом Великий Новгород, демонстрируя уверенный рост прибыльности кабаков (26,5% за первое и 30,5% за второе десятилетия; 3, 3,8 и 4,8 тыс. руб.), не только не смог обойти свой былой «пригород», но и уступил пятую строчку в рейтинге Соли Вычегодской. Последняя, в свою очередь, увеличившая за 1625–1635 гг. поступления от продажи алкоголя лишь на 2% (с 2,6 до 2,65 тыс. руб.), за следующие 10 лет совершила резкий рывок (на 89% — до 5 тыс. руб.). Темпы Соли Вычегодской, однако, не были самыми высокими на Севере. С итоговым подъёмом за два десятилетия на 91% она заметно уступила Соли Камской, чьи кабаки повысили прибыльность на 114% (с 2 до 4,4 тыс. руб.). Последняя по относительным показателям отдала первенство Чердыни (127%, с 1,1 до 2,4 тыс. руб.). В Кольском остроге, Тотьме и Мезени, напротив, наблюдалось падение доходов от кабаков — от 32 до 36%.

Статистика питейных и таможенных сборов в городах Русского Севера 1620–1640-х гг., на первый взгляд, показывает общий экономический подъём региона (упадок и стагнация наблюдались главным образом в городах Крайнего Севера). Рассмотрим, однако, ситуацию через оптику других источников. Самые большие деньги казне приносил Архангельск. В отдельные годы совокупный денежный приход с кабаков и торгов Двинской земли достигал 40 тыс. руб. (около $\frac{1}{3}$ всех поступлений с северных городов). Наибольшую прибыль приносила таможня, но объём сборов здесь был обусловлен колебаниями товарооборота и количеством товаров, доставляемых иногородними и иностранными купцами. Относительной стабильностью отличались питейные деньги. Их пик пришёлся на конец 1620-х гг., когда кабаки Архангельска и Холмогорских посадов приносили свыше 11 тыс. руб. Моменты сокращения сборов источники фиксируют в 1633/34 и 1643/44–1644/45 гг. Причины падения кабацких доходов в 1633/34 г. очевидны — в это время население Московского государства обложили «пятинными деньгами»¹². Недобор 1643/44–1644/45 гг. отразил серьёзное обнищание архангельского посада. Для жителей Архангельска к 1644 г. стали непосильными даже относительно небольшие подати — с посада не удалось взять 40 руб. четвертных денег. Население города, будучи не в состоянии платить введённый в 1638 г. экстраординарный налог, «от податей, которые ис приказу Збору ратных людей велено править ратным людям на жалованье... розбежались». Та же картина наблюдалась в других селениях Двинской земли¹³. К 1647 г. задолженность архангельского посада выросла вдвое, а суммарная недоимка с Двинского уезда за пять лет превысила 3800 руб., которые воеводы были бессильны собрать: «Те деньги правят на них, двинянех, на по-

¹² Там же, кн. 22, л. 160, 161 об. На связь падения таможенных и кабацких сборов в Двинской земле с практикой взимания «пятинных денег» (их оклад в 1633/34 г. составил 4 666 руб.) указывал Е.Д. Сташевский (*Сташевский Е.Д.* Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Кн. 38. С. 316; Кн. 39. С. 98).

¹³ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 271–271 об., 280–283, 289, 313.

садцких людех и на уездных крестьянех свалом смертным правежем во весь день... И они... в тех деньгах на правеже убиты, а в тюрьме померли голодной смертью, а окупитца им некоторыми мерами не мочно». Итогом стало согласие правительства взимать недоимку с рассрочкой на четыре года¹⁴.

Ситуация в Архангельске показывает, насколько осторожно следует относиться к цифрам, отразившимся в приходе-расходных документах приказов-четвертей, тем более при определении общих тенденций с опорой на сведения за отдельно взятые годы. Если в 1620/21 г. архангельские и холмогорские таможи и кабаки суммарно дали казне около 21 700 руб. прибыли, а в 1644/45 г. — порядка 34 тыс. руб., то, на первый взгляд, можно сделать вывод о заметном — в полтора раза — экономическом подъёме региона¹⁵. Однако сведения об аналогичных поступлениях в другие годы портят красоту картины: они перевалили через 30 тыс. руб. уже к середине 1620-х гг. (в 1626/27 г. составили почти 35 тыс. руб.) и держались на этом уровне до середины следующего десятилетия. Таможенные сборы в Архангельске с середины 1620-х гг. постепенно росли, увеличившись за десять лет в полтора раза и достигнув наибольшего значения (более 31 тыс. руб.). С конца 1630-х гг., однако, доходы от торговли в городе заметно сократились, лишь однажды — в 1642/43 г. — приблизившись к прежним пиковым показателям. Иную картину демонстрируют кабаки. Увеличившись более чем вдвое к середине 1620-х гг. (до 9,5 тыс. руб.), собираемость питейных денег держалась на этом уровне до конца царствования Михаила Фёдоровича, временами поднимаясь, иногда снижаясь, в целом демонстрируя не рост, а стагнацию на фоне массового разорения населения Двинской земли.

Богатейшим городом на северо-западе Московского государства в первой половине XVII в. был Псков. Таможенные сборы здесь в начале 1620-х гг. перевалили через 3 тыс. руб., но уже с середины десятилетия заметно сократились и на протяжении последующих десяти лет почти никогда не достигали этого уровня. Видеть здесь признаки экономического упадка Пскова не следует: в 1626/27 г. в городе закрыли Денежный двор, приносивший 1–1,5 тыс. руб. прибыли, учитываемой вместе с таможенными поступлениями. Доходность торговли в приграничном городе во многом определялась не зависящей от псковичей конъюнктурой. В 1629/30 г., например, таможенный голова объяснял недобор денег не только карантинными заставами между Нарвой и Ивангородом, но и прекращением в сентябре 1629 г. войны между Речью Посполитой и Швецией, когда литовские купцы вновь повезли товары в Ливонию, а не в Псков¹⁶. В силу своего расположения Псковский уезд едва ли не единственный на севере рисковал стать зоной боевых действий, как, например, было в 1633/34 г.¹⁷ Преодолеть планку в 3 тыс. руб. таможенные доходы в Пскове смогли только в 1634/35 г., да и то за счёт интервенции откупщика — москвитина Лужнецкой слободы Ивана Скорнякова, взвинтившего цену псковского торгова сразу почти в полтора раза. Испуганный его активностью, псковский посад обратился к царю с челобитной, и через полгода откупщик покинул город. Таможня оказалась в коллективном откупе за псковским посадом, но платить

¹⁴ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 36 (1647 г.), л. 302–317.

¹⁵ «Несмотря на проблемы в сборе государственных доходов в отдельные годы, динамика их роста на Двине очевидна. По отношению к 1620/21 г. в 1627/28 г. они увеличились в 1,3, а к 1643/44 г. — в 1,5 раза» (Пугач И. В. Города Русского Севера... С. 73).

¹⁶ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 578.

¹⁷ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 22, л. 51 об.—52.

в казну теперь приходилось даже больше, чем обещал Скорняков. После этого до конца царствования Михаила Фёдоровича таможенные сборы в Пскове демонстрировали стагнацию. Псковичи неоднократно жаловались и на засилье кабацких откупщиков, но в этом вопросе правительство навстречу им не пошло, осознавая, что верная форма эксплуатации псковских кабаков принесёт казне ущерб¹⁸. Городские кабаки Пскова были перспективнее торгов, представляя казне ежегодно от 4 до 5 тыс. руб. С конца 1620-х гг. псковские питейные заведения находились в руках откупщиков, добивавшихся повышения прибыльности методами, далёкими от забот о процветании местных жителей. По совокупности доходов Псков и Псковский уезд демонстрировали стагнацию: в конце царствования Михаила Фёдоровича они давали казне около 11 тыс. руб., но приблизительно такие же суммы здесь собирали в 1635/36–1636/37 и даже в 1623/24 гг.

Похожая картина наблюдалась в Великом Новгороде. Кабацкие прибыли в городе постепенно увеличивались от 2 тыс. руб. в 1620/21 г. до 4,8 тыс. руб. в 1644/45 г. Как и в Пскове, местные питейные заведения с начала 1620-х гг. постоянно находились под управлением откупщиков. Таможенные сборы в Новгороде, составляя в начале 1620-х гг. около 1 тыс. руб., к концу десятилетия выросли до 2,3 тыс. руб., после этого уже существенно не увеличившись. Почти весь рассматриваемый период новгородская таможня управлялась на вере, и лишь в 1638/39–1640/41 гг. её отдали на откуп с солидной – примерно в 200 руб. – наддачей. Как и в Пскове, лишь откупщики создавали иллюзию некоторого экономического роста Великого Новгорода. Возможности составить им конкуренцию и вытеснить их из города у новгородского посада не было, что признавали в 1638 г. и в Москве: «А только тем кабаком быть на вере, и в них чаять недобору... а наддачами те кабаки стали велики, и столько верным не собрати»¹⁹. Сборы пошлинных денег в Великом Новгороде были сопряжены с проблемами. К концу 1630-х гг. за предыдущие полтора десятка лет по городу и уезду накопилась серьёзная недоимка. За 1625/26–1629/30 гг. общий недобор составил более 1,5 тыс. руб., и, отчаявшись «доправить» эти деньги, казна отказалась от их взыскания. За 1630/31 г. недоимки не числилось, за 1631/32 г. она оказалась символической – чуть более 10 руб., но в дальнейшем недобор, став ежегодным, возрастал, достигнув пиковых величин в 1633/34–1635/36 гг. (от 1,6 до 1,9 тыс. руб. в год). К 1638/39 г. за вычетом «доправленных» денег и прощённых долгов, Великий Новгород оставался должен бюджету свыше 7 тыс. руб.²⁰

Особая картина экономического развития сложилась в Вологде. К концу Смуты город был основательно разорён и в 1619/20 г. принёс казне немногим больше 5,5 тыс. руб. кабацких и таможенных денег²¹. С середины 1620-х гг. ситуация стала меняться: средние прибыли от взимания торговых пошлин превысили 5,5 тыс. руб. и на протяжении всего рассматриваемого периода росли, перевалив к концу царствования Михаила Фёдоровича за 13 тыс. руб. Дважды рост таможенных доходов здесь замедлялся и даже снижался – в 1633/34–1635/36 и 1637/38 гг. Резкий их рост фиксируется с конца 1630-х гг., когда они приблизились к 10 тыс. руб., а затем и превзошли этот уровень. Уверенно росли

¹⁸ Там же, кн. 23, л. 356 об.–358 об.; кн. 24, л. 136 об.–137.

¹⁹ Там же, л. 135 об.

²⁰ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 89, л. 10–18; ф. 396, оп. 1, д. 41145, л. 130–140.

²¹ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 52536, л. 6.

и питейные сборы. Удвоив за 1620-е гг. прибыль, вологодские кабаки заинтересовали откупщиков и с 1631/32 по 1635/36 гг. эксплуатировались торговыми людьми московских слобод и сотен, а затем крестьянами боярина И.Н. Романова. Подняв за пять лет годовую сумму передаваемых казне кабацких денег на 25% (до 6,8 тыс. руб.), откупщики достигли «потолка» финансовых возможностей местного населения, на которое тогда же дополнительным бременем легли «пятинные деньги». Необходимо учитывать и случившийся в Вологде в 1636 г. большой пожар²². В 1637/38 г. голова и целовальники не смогли удержать доходность кабаков на прежнем уровне, но общий хозяйственный подъём сказался и на этой статье прихода, и в первой половине 1640-х гг. средний годовой сбор питейных денег в Вологде составлял около 9 тыс. руб., а город уверенно удерживал второе после Архангельска место по количеству передаваемых в казну средств.

Видное место в жизни Русского Севера в первой половине XVII в. играл Великий Устюг. К концу Смуты город не производил впечатления процветающего центра: в 1619/20 г. городские торги и кабаки принесли бюджету лишь около 2,8 тыс. руб. Вскоре выяснилось, однако, что бедность Устюга была показной — пользуясь отсутствием контроля из столицы, устюжане утаивали от казны более половины прибыли. С 1620 г. в город стали назначать кабацких и таможенных голов из московского купечества, и скрывать собираемые подати в прежних масштабах уже не удавалось. К середине 1620-х гг. питейные заведения и торги Великого Устюга с уездом ежегодно собирали порядка 12 тыс. руб., держась на этом уровне с небольшими колебаниями до начала 1640-х гг. Таможенные сборы Великого Устюга демонстрировали стабильность, до 1641 г. давая в год около 4 тыс. руб. Лишь однажды за 15 лет (в 1631/32 г.) они заметно — примерно на 1 тыс. руб. — упали относительно обычного уровня²³. В ходе сыска о недоборе пошлин городская администрация констатировала: «Достальные крестьянишка... розбежались, пометав деревнишка свои впусто, врознь розбрелись»²⁴. В 1641/42—1643/44 гг., напротив, таможенные доходы выросли, давая ежегодно свыше 5 тыс. руб. Кабацкие сборы на протяжении рассматриваемого периода их заметно превосходили. Средняя годовая прибыль устюжских кабаков с середины 1620-х до начала 1640-х гг. составляла от 7,5 до 8,5 тыс. руб., хотя наблюдались и заметные отклонения от этой нормы.

Отдельные годы в Устюге оказались неблагоприятными. В конце 1628 г. головы жаловались на малочисленность торговых людей: «сибирские выходцы» проезжали через Устюг в Вологду без задержки, поскольку покупателей на «мягкую рухлядь» в городе и уезде не было. Тревогу вызывало и падение кабацких сборов: «Многие люди оскудели и в напойных деньгах... стоят на правеже, а иные... разошлись в сибирские города». Основной причиной неплатёжеспособности населения называли хлебный недород и дороговизну. Летом 1628 г. хлеб прошлого урожая раскупили «немцы»; новый урожай оказался

²² Там же, ф. 141, оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 33; д. 58 (1636 г.), л. 1. Пожары в Вологде случались также в 1632 и 1641 гг. (Кукушкин И.П. Вологодские напасти XV—XVII вв. // Русская культура на рубеже веков: русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей. Вологда, 2002. С. 320—326).

²³ К тому же времени относится информация о запустении Подосиновской и Вохомской волостей Устюжского уезда (РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 21, л. 45, 69; кн. 22, л. 66).

²⁴ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 52 (1632 г.), л. 62, 73—74.

незавидным²⁵. В 1630 г., помимо хлебного недорода, устюжский голова жаловался на разгул разбоев по рекам Югу и Сухоне; ситуация оставалась тяжёлой и в 1630/31 г., когда вновь вымерз урожай, а прошлогодний хлеб «немцы выкупили и вывезли дочиста к Архангельскому городу» (речь идёт о санкционированных правительством закупках хлеба агентами датской, а затем шведской короны)²⁶.

В начале 1632 г. устюжане обратились к царю с челобитной, сообщив о своём бедственном положении: помимо денег на корм сибирским служилым людям от них потребовали доставить в Москву провиант для иностранных наёмников. Итог оказался печален: «Устюг посад пустеет и весь Устюжской уезд, во многих... волостех крестьяне деревнишка свои пометали впусе, а сами бредут врознь»²⁷. Но главные потрясения были впереди: в конце 1632 г. объявили сбор пятины. Уже в марте 1633 г. в Москву сообщали: «В мире стала скудость великая, все мирские люди... стоят на правеж... Иногородные люди для тех пятинных денег не смеют к Устюгу ехать». Пятинный побор повторился в 1634 г., а в следующем году на четверть вырос оклад стрелецких денег. Тяжёлым для устюжан оказался 1635/36 г.: «В мире стала скудость великая, и все посадские и волостные люди стоят на правеже». В Москве происходящего словно не замечали, и в 1636/37 г. удвоили оклад стрелецких денег²⁸.

В 1638 г. с Устюга и Устюжского уезда собирали по 2 руб. с двора на корм ратным людям. Из запланированных 15,5 тыс. руб. взять удалось менее трети. Выбить задолженность из устюжан не было никакой возможности. В конце 1638 г. устюжский воевода докладывал в Москву, что «посадские люди и уездные крестьяне... во всяких податех стоят на правеже... во весь день, а на ночь мечут в тюрьму... а Устюжского уезда многие деревни пусты»²⁹. В 1639 г. в столицу докладывали о практически полном запустении 11 волостей Устюжского уезда, причём в пяти из них с трудом удалось найти по два—три крестьянина³⁰. Оставшиеся 10,7 тыс. руб. подворной подати жители города и уезда выплачивали в рассрочку до 1654 г. Этим долги устюжан перед казной не исчерпывались. К 1640 г. данных, оброчных, стрелецких денег и прочих податей город и уезд задолжали на общую сумму свыше 60 тыс. руб. В довершение всего случился очередной хлебный неурожай, а наводнение смыло часть городского посада. В итоге правительство в 1640 г. распорядилось разбить выплату недоимок на четыре года. Последний год царствования Михаила Фёдоровича оказался для Устюга катастрофичен — кабаки и торги принесли бюджету менее 10 тыс. руб. Столь низких показателей город не видел с начала 1620-х гг.

Непростой была ситуация и в Соли Вычегодской. Таможенные сборы в городе и уезде сначала держались в районе 1 тыс. руб. и только к концу 1620-х гг. сумели перейти отметку в 1,5 тыс. руб., но в начале 1630-х гг. вернулись на прежний уровень. Новый подъём экономической активности здесь наметился только на рубеже 1630—1640-х гг., и к концу царствования Михаила Фёдоровича таможи Соли Вычегодской и Усольского уезда стали собирать свыше

²⁵ Там же, д. 74 (1628 г.), л. 5, 50.

²⁶ Там же, д. 57 (1631 г.), л. 24, 46а, 133—134.

²⁷ Там же, д. 66 (1632 г.), л. 172.

²⁸ Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 36, л. 65, 376; ф. 141, оп. 1, д. 4 (1633 г.), л. 422; д. 38 (1634 г.), л. 112; оп. 2, д. 66 (1636 г.), л. 207; д. 58 (1640 г.), л. 103.

²⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 43, л. 66 об.; кн. 45, л. 87.

³⁰ Там же, кн. 51, л. 14.

2 тыс. руб. в год. Питейные доходы были выше торговых, ежегодно принося казне около 2,5 тыс. руб. Через 3 тыс. руб. они перешагнули лишь в 1628/29 и 1629/30 гг., а затем вернулись к исходной цифре. Подобно таможенным деньгам, прибыли кабаков вновь стали расти с конца 1630-х гг., сначала перешагнув планку в 4 тыс. руб., а затем перевалив и через 5 тыс.

Причины низкой собираемости пошлин известны. В августе 1626 г. и в следующем 1626/27 г. Соль Вычегодская дважды горела, и «после усольского пожару многие посадские люди розошлись, а иных городов торговые люди не приезжают ж... а на кабаках... питью розходу мало»³¹. Свою роль играли и капризы природы. В 1629/30 г. в Соли Вычегодской жаловались на хлебный недород и моровое поветрие. Следующий год тоже выдался неурожайным, к тому же сборы пострадали из-за бесчинств казаков, следовавших на службу в Сибирь: «От тех... казаков многие торговые проезжие люди врознь розъехались и товары никакими не торговали, и мяхкую рухлядь всякую мимо Усолье провозили»³². Свой вклад в разорение населения вносили и не в меру усердные головы: «Достальные посадские людишка... от тех таможенных и кабацких голов... от их таможенные грабежные пошлины и от кабацких великих наклепов обдолжали и осиротали»³³.

Росла фискальная нагрузка. В 1632–1634 гг. с населения дважды взимали пятинные деньги, и «многие торговые люди к Соли Вычегодской с товары не ездили, бояся пятинного окладу, и ис сибирских городов промышленных людей в том году вышло немного, бояся того же пятиного окладу». С 1634/35 г. увеличили оклад «стрелецких денег»³⁴. В феврале 1636 г. недовольство населения сложившейся ситуацией вылилось в восстание, в ходе которого был разграблен двор воеводы³⁵. Обнищание посада и крестьян оказалось столь значительным, что в 1636 и 1637 гг. все кабаки и торги в городе и уезде впервые передали в эксплуатацию московским откупщикам. Введённая в 1638 г. подворная подать оказалась для усольцев неподъёмной — даже когда правительство год спустя снизило для крестьян оклад вдвое. К 1639 г. по этому налогу за Усольским уездом числилась недоимка свыше 5 тыс. руб., которую предстояло уплачивать с рассрочкой в 10 лет.

В мае 1638 г. Соль Вычегодская пережила очередной большой пожар, уничтоживший около 250 дворов³⁶. Неудивительно, что ситуация в городе и уезде оставалась напряжённой — в октябре 1638 г. воевода писал в Москву, что уездные крестьяне противятся уплате податей, бегают от сборщиков, а в одной из волостей едва не утопили приставов³⁷. Отмеченное И.В. Пугачем «поступательное и устойчивое развитие на протяжении первой половины XVII в.» Соли Вычегодской с уездом³⁸ можно увидеть лишь на листах бюджетных смет приказа

³¹ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 10 (1627 г.), л. 1–37; д. 76 (1627 г.), л. 34; д. 52 (1627 г.), л. 92; д. 74 (1628 г.), л. 335; д. 4 (1633 г.), л. 362.

³² Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 17, л. 77–77 об.; ф. 141, оп. 1, д. 55 (1631 г.), л. 39; д. 57 (1631 г.), л. 220–222, 230.

³³ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 72 (1630 г.), л. 250.

³⁴ Там же, д. 52 (1632 г.), л. 524, 542; д. 38 (1634 г.), л. 112.

³⁵ Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е годы). Воронеж, 1975. С. 179–184.

³⁶ Соскин А.И. История города Соли Вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 77.

³⁷ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 43, л. 91 об.; кн. 51, л. 48 об.–49; Владимир, кн. 4, л. 39–40.

³⁸ Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 75.

Устюжской четверти, не объясняющих, к сожалению, отчего население устойчиво развивающегося региона вздумало убить воеводу.

В расположенной на Сухоне в полпути от Вологды к Великому Устюгу Тотьме в 1620-х гг. наблюдалось удвоение таможенных сборов, а в начале 1630-х они достигли рекордных показателей — около 3 тыс. руб. С 1632/33 г., однако, поступления в таможни сократились, до конца десятилетия с трудом и не всегда преодолевая отметку в 2 тыс. руб. В начале 1640-х гг. этот показатель пережил кратковременный подъём, сменившийся к финалу царствования Михаила Фёдоровича новым снижением — в отдельные годы до уровня двадцатилетней давности. Сборы кабацких денег демонстрируют иную динамику: к середине 1620-х гг. они выросли приблизительно в полтора раза, но уже в конце десятилетия началось их падение — до уровня начала десятилетия, причём кабаки стали приносить средств меньше, чем торги. В начале 1630-х гг. синхронно максимальному подъёму таможенных сборов также удалось взять рекордное количество питейных денег — более 2 тыс. руб., после чего прибыльность кабаков стала падать, к середине 1640-х гг. сократившись до уровня начала 1620-х. Подъём экономической жизни в Тотьме продолжался только до начала 1630-х гг., после чего начался очевидный спад. И если таможенные деньги к концу царствования Михаила Фёдоровича немного превосходили показатели начала 1620-х гг., то питейные доходы опустились ниже исходного уровня.

Причины упадка Тотьмы отражены в документах. В 1630 г. местный воевода сообщил в Москву о принимавшем в городе и уезде пугающие масштабы пьянстве, усугубляемом распространением азартных игр: «На посацком и на варнишном кабаке и у варниц по избам многие ярыжные зернью играют, и приходят к ним посадские люди и волосные пашенные крестьяня, на кабаках пьют и зернью играют же, и жеребьи свои проигрывают». Противоречия воеводе, тотемский голова в конце того же года уверял, что пить в кабаках люди стали меньше — «в прошлых годах испропились». Сильные морозы, слишком рано прекратившие навигацию по Сухоне, а также дороговизна хлеба и хмеля тоже внесли свою лепту³⁹. Впрочем, голова напрасно переживал за питейные деньги — по итогам 1630/31 г. их, как и таможенных пошлин, было собрано больше, чем годом ранее. 1630/31–1631/32 гг. вообще стали наиболее удачными в городе с точки зрения казённых сборов — суммарно кабаки и торги приносили более 5 тыс. руб. в год. Импульс этому подъёму дала организованная правительством скупка хлеба, реализуемого в Архангельске: «На Тотьме и в Тотемском уезде под государеву рожь лодей и барок делали много, а лодьи продавали рублев по сту, а барку по сороку рублев, и с тех лодей и барок с лодейных мастеров имали рублевую пошлину, и те лодейные мастера ис своих наймов пропивали на кабаках деньги многие. Да на тех же хлебных лодьях к Архангельскому городу в наймах плавало ярыг человек ста по три и больше, а найму имали по полутора рубли и по штидесят алтын человеку, и те они деньги пропивали на кабаках же»⁴⁰.

Настоящее падение благосостояния тотмичей связано со Смоленской войной и сбором пятины. Уже весной—летом 1633 г. из Тотьмы сигнализировали о невозможности своевременного взыскания стрелецких денег и бег-

³⁹ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 70 (1630 г.), л. 236; д. 72 (1630 г.), л. 381; д. 57 (1631 г.), л. 338, 361.

⁴⁰ Там же, д. 52 (1632 г.), л. 267.

стве людей. Приходилось нести выросшие расходы на ямскую гоньбу, платить за посошных людей, причём сборщику последней подати местные крестьяне угрожали убийством. Голова предупреждал о грядущем недоборе питейных денег⁴¹. В 1632/33 г. в Тотьме кабацких и таможенных пошлин удалось взять почти на 1,5 тыс. руб. меньше, чем в предыдущем году. Недобор голова объяснял «тщиной» и «великой скудостью» посадских людей и крестьян, которые «ото многих податей оскудали и одолжали». Не приехали в Тотьму и государевы «хлебные уговорщики», так положительно повлиявшие на кабацкие и таможенные прибыли годом ранее⁴². Падение продолжилось в 1633/34 г., когда во многих уездах Севера случился неурожай. Крестьяне, ранее продававшие хлеб в Тотьме и покупавшие здесь соль, предпочли распродать товар у себя дома. Сверх того, в Тотьме вновь стали собирать пятинные деньги⁴³. Последствия разорения 1630-х гг. оказались длительными — в редкий год тотемские кабаки собирали больше 1,5 тыс. руб.; обыкновенный сбор питейных денег здесь до конца царствования Михаила Фёдоровича находился на уровне 1620-х гг. Только увеличение таможенных поступлений отчасти компенсировало казне общее падение доходности. Попытки же увеличить фискальную нагрузку были чреваты взрывами народного недовольства: летом 1639 г. в Тотьме из-за намерения властей взыскать с посадских людей и крестьян стрелецкие деньги по повышенному окладу вспыхнул бунт⁴⁴.

Вятская земля в 1620–1640-х гг. также переживала непростые времена. И.В. Пугач, опираясь на сведения по трём «срезам», констатировал, что «в целом социально-экономическая ситуация в Вятской земле... была стабильной, без резких колебаний»⁴⁵. Между тем динамика питейных и таможенных сборов ощутима. Торги Вятских городов к середине 1620-х гг. собирали от 1,1 до 1,3 тыс. руб. К 1640-м гг. их прибыли превысили 2 тыс. руб., т.е. почти удвоились. Вятские же кабаки долго не могли вернуться к уровню поступлений очень благоприятного для региона 1624/25 г. (около 3,6 тыс. руб.), давая казне до конца 1620-х гг. в среднем по 2,3 тыс. руб. в год. К началу 1640-х гг. они собирали уже по 4–4,5 тыс. руб., что почти вдвое превзошло уровень двадцатилетней давности. Указывает ли это на процветание Вятской земли на рубеже 1630–1640-х гг.? Думается, что на фоне двукратного сокращения прочих сборов (четвертных, оброчных, стрелецких денег и т.д.) такой вывод был бы преждевременным.

Экономические сложности на Вятке наблюдались уже в 1625/26 г., когда общий недобор денег по всем пяти городам составил около 1 тыс. руб. Причиной стало падение цен в Перми, Казани и Астрахани, где вятчане обычно продавали свой хлеб. Это сказалось и на кабацких доходах: ранее «торговые же люди вятчане и иных городов, которые приезжали на Вятку по хлеб и по всякие товары... на кабаках пили и пропивали рублев по сту и по двесте, а рыжные пропивали рублев по пяти и болши»⁴⁶. Не обошло Вятскую землю и повышение налогов во время Смоленской войны. В начале 1634 г. хлынов-

⁴¹ Там же, д. 4 (1633 г.), л. 111, 146, 312, 354–356, 365–367, 487–489.

⁴² Там же, д. 52 (1632 г.), л. 258, 266, 278.

⁴³ Там же, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 28, л. 39 об.; ф. 141, оп. 1, д. 52 (1632 г.), л. 374–375; 381–382.

⁴⁴ Чистякова Е.В. Городские восстания... С. 176.

⁴⁵ Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 79.

⁴⁶ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 90–91.

ский воевода писал в Москву о невозможности выполнить указ о сборе ратных людей: жители городов Слободского и Шестакова, как и окрестные крестьяне, «от больших податей и... от правежу, и от тюремново сидения розбрелись врознь, а дворы свои, и пашни, и всякие угоды пометали впусто». В остальных Вятских городах ситуация была не лучше. Местный подьячий писал в Москву, что «в Хлынове и в пригородках в Орлове и в Котельниче посадские люди, и из волостей крестьяня, и каринские татаровя розбежались по разным городам»⁴⁷. В этих условиях приходилось платить пятинные и запросные деньги. Прибывшие в Хлынов в мае 1634 г. пятинщики «правили» деньги с Вятских городов почти год, собрав к марту 1635 г. более 4,6 тыс. руб., из которых свыше $\frac{2}{3}$ приходилось на долю Хлынова⁴⁸. К тому моменту война, спровоцировавшая сбор пятины, уже год как завершилась, а Хлынов 16 июня 1634 г. на глазах у пятинщиков практически полностью сгорел: пожар уничтожил четыре церкви с колокольнями, таможню, кабаки, дворы воеводы, дьяка, духовенства, дома 317 посадских людей, 17 кузниц, амбары и лавки с товарами⁴⁹. В 1635 г. в Хлынове вспыхнуло восстание, во время которого воевода несколько дней сидел в осаде на дворе⁵⁰. В 1638 г. правительство распорядилось собрать с населения городов и уезда по 2 руб. с двора, что должно было составить сумму более 12 тыс. руб. Вскоре стало очевидным, что заплатить таких денег Вятка не в состоянии, поэтому для сельского населения оклад сократили вдвое, но и эту сумму собрать не смогли. В 1644 г. правительству пришлось уменьшить её на треть, простив вятчанам почти 2,3 тыс. руб. Лишь к 1647 г. остаток недоимки был выплачен⁵¹. Если пренебречь этими частностями и судить о состоянии региона исключительно по суммам, получаемым казной с Вятки, есть соблазн сделать вывод о её уверенном двукратном экономическом росте. Вместе с тем нельзя не заметить, что ощутимый подъём сборов здесь начался в 1637/38 г. и продолжался до конца царствования Михаила Фёдоровича, т.е. именно тогда, когда вятчане не могли рассчитаться с казной по только что введённой подворной подати.

На этом фоне Соль Камская демонстрировала экономический подъём, чему способствовали два фактора: развитие солеварения и проходившая здесь дорога в Сибирь. Однако и здесь случались неудачные годы. Например, в 1624/25 г. кабацкая недоимка составила почти 700 руб.⁵² Население Соли Камской страдало от пятины: в 1634 г. в бегах находились 123 соликамских посадских человека и 99 уездных крестьян — каждый пятый житель города и уезда. Розыски беглых дали скромный результат — вернуть удалось только 34 человека. Неудивительно, что в том году казна недополучила с города свыше 860 руб. питейных денег — почти пятую часть от запланированной суммы⁵³. Прибыльность местных кабаков до конца царствования Михаила Фёдоровича так и не вернулась к рекордному показателю 1632/33 г. — 4728 руб.⁵⁴ Ситуацию усугубляли регу-

⁴⁷ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 79 (1634 г.), л. 30–31, 96.

⁴⁸ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 41145, л. 93–103 об.

⁴⁹ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 69 (1634 г.), л. 7–15.

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 72 (1646 г.), л. 75–76.

⁵¹ Там же, ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 133–135.

⁵² Там же, ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 20.

⁵³ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 180–183, 293; ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 123, 124.

⁵⁴ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 419.

лярные пожары — неизбежная беда центров солеварения. Соль Камская горела в 1634/35, 1635/36 и 1640/41 гг. Особенно катастрофичным оказался пожар 14 июня 1635 г. Начав свой губительный путь с соляной варницы гостя Яким Патокина, огненная стихия уничтожила на посаде пять храмов, воеводский и гостиный дворы, съезжую и таможенную избы, дома посадских людей, все ряды и лавки, варницы и соляные амбары, солодовни и кузницы. На посаде уцелели лишь восемь дворов «средних» людей и три десятка дворов сирот и бобылей⁵⁵. Несмотря на это в целом динамика в Соли Камской была положительной. Если кабаки прежнего уровня прибыльности так и не достигли, то таможенные поступления показывали устойчивый ежегодный рост (за исключением 1640/41 г., когда из-за пожара случился небольшой недобор)⁵⁶. В целом за 1620–1640-е гг. совокупные сборы торгов и питейных заведений здесь выросли с 2,2 до 7,7 тыс. руб., причём наиболее впечатляюще — восьмикратно — увеличились таможенные доходы.

Кайгородок пребывал в более сложной ситуации. Таможенные пошлины тут в начале 1620-х гг. составляли лишь 118–136 руб. Закрытый по челобитью кайгородцев в 1619 г. кабак, за который они уплачивали в казну 305 руб. в год, к середине 1620-х гг. вновь открылся, давая вместе с таможей 601 руб. прибыли. На 1625/26 и 1626/27 гг. кабак и торги взяли в откуп с наддачей 100 руб. московские предприниматели⁵⁷. Последние, однако, столкнулись со сплочённостью местного населения, не желавшего терпеть чужаков. При скромной стоимости откупа кайгородцы ограбили москвичей более чем на 800 руб. и по истечении срока последние в Кайгородок не вернулись⁵⁸. Однако кайгородцы вынуждены были иметь дело с последствиями их деятельности: в Москве требовали уплаты доходов в размере не менее прежнего, а сделать этого не удавалось. Соотношение кабацких и таможенных денег при этом постепенно выравнивалось, и сокращение доли питейных поступлений при параллельном росте прибыльности торгового оборота можно объяснить увеличением товарообмена с сибирскими городами на фоне обнищания и оттока населения уезда в соседнюю Соль Камскую и Сибирь. Сокращение населения города и уезда подтверждается динамикой сборов за стрелецкий хлеб. В 1625/26 г. в уезде числилось 5,5 сох, а в 1627/28 г. — всего 2,5⁵⁹.

Сложившиеся обстоятельства побудили кайгородцев вновь просить о ликвидации кабака, который и был закрыт с 1631/32 г. Жители города и уезда обязывались ежегодно платить в казну компенсацию — 351 руб.⁶⁰ В 1634/35 г. кабак восстановили, и на протяжении следующих девяти лет он находился в коллективном откупе за всем посадом за прежнюю сумму. Собрать питейную прибыль на уровне конца 1620-х гг. получалось далеко не всегда⁶¹. Закрытие в Кайгородке кабака дало краткосрочный положительный эффект: в 1632/33 г. общая сумма взятых в казну с города и уезда денег составила 1,2 тыс. руб. Однако завершающий год Смоленской войны резко ухудшил

⁵⁵ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 25–26; д. 39 (1649 г.), л. 224–228.

⁵⁶ Там же, д. 38 (1642 г.), л. 151.

⁵⁷ ПРК. С. 92–94, 277; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 356.

⁵⁸ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, л. 362; ф. 141, оп. 1, д. 71 (1628 г.), л. 424, 426–428.

⁵⁹ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 16, л. 357 об.–358, 365–365 об.; кн. 18, л. 1013; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 147.

⁶⁰ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 40672, л. 50.

⁶¹ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 455–462.

ситуацию. По итогам 1633/34 г. собрали только 714 руб.⁶² В условиях финансового кризиса правительство объявило о сборе «пятинных денег», и уже в октябре 1633 г. крестьяне четырёх волостей Кайгородского уезда демонстрировали неподчинение: «Во всякие доходы ни одной деньги не плачивали... и во всяких... делах и в денежных доходах... отказали они, учинились силны». Когда в апреле 1634 г. в Кайгородок из Москвы для сбора пятины приехали выборные, крестьяне платить новую подать не стали: «по окладу пятинных и запросных денег собрать с себя не дали»⁶³. В соседней Чердыни дела обстояли ещё хуже, хотя поступления с кабака и торгов росли: таможенные сборы увеличились вдвое, питейные — втрое. Объявление в 1634 г. второй пятины вызвало в городе сначала пассивное сопротивление, а потом и серьёзные волнения: «Уездные торговые люди... ныне... в пятинных деньгах отказали, а назвались все пашенными крестьяны... а прошлого 141-го году пятинного збору книги назвали воровскими... на зборщиков приходили шумом, хотели побить»⁶⁴. Обострение социального противостояния в Пермской земле пришлось на 1635 г., когда из Соли Камской в Москву сообщали, что «чердынцы... посадские люди и уездные крестьяны в Чердыни воеводу хотели убить и от... дела отставили, и во дворе его осадили; и кайгородцы... тож воеводу изгоняют»⁶⁵.

Горячую фазу народного недовольства удалось подавить, но экономическая ситуация не улучшалась. В 1638 г. власти ввели подворный налог на жалованье ратным людям. С Кайгородка и «окологородья» следовало собрать 1982 руб.; к весне 1640 г., однако, в Москву доставили лишь 305 руб.⁶⁶ Имелись и серьёзные трудности со стрелецкими деньгами: с 1634/35 г. Кайгородский уезд постоянно фигурировал в числе должников по этой подати, и правительству пришлось списать долги за 1632/33–1636/37 гг. «для пустоты»⁶⁷. Общая задолженность Кайгородка с уездом перед казной к концу царствования Михаила Фёдоровича превысила 2 тыс. руб. Местное население не сумело удержать за собой кабак, и на 1643/44–1644/45 гг. его отдали в откуп московскому торговому человеку при относительно небольшой (20 руб.) наддаче⁶⁸. Зато в самый значительный источник денег превратились таможенные доходы. В начале 1630-х гг. они преодолели рубеж в 600 руб., а ещё десятилетием позже вдвое превзошли и этот уровень⁶⁹. Следуя логике сопоставления поступлений в бюджет по хронологическим срезам, необходимо сделать вывод, что Кайгородок в годы царствования Михаила Фёдоровича, несмотря на сокращение податного населения, представлял собой динамично развивающийся регион. За четверть века он удвоил свой фискальный потенциал, и есть соблазн вслед за И.В. Пугачем поставить под сомнение выводы П.П. Смирнова о том, что к концу царствования Михаила Фёдоровича Кайгородок пе-

⁶² Там же, кн. 22, л. 215–217 об.

⁶³ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 50394, л. 22–23.

⁶⁴ Там же, ф. 141, оп. 1, д. 49 (1634 г.), л. 3.

⁶⁵ Там же, оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 281. См. также: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. III. СПб., 1841. № 204. С. 358–360.

⁶⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Владимир, кн. 4, л. 125, 126.

⁶⁷ Там же, ф. 141, оп. 2, д. 38 (1642 г.), л. 1–2.

⁶⁸ Там же, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 28, л. 462.

⁶⁹ Там же, кн. 22, л. 215 об.; кн. 28, л. 463; кн. 29, л. 176 об.–177; кн. 30, л. 177–177 об.

реживал сильный упадок, потеряв почти 40% своих дворов⁷⁰. Львиную долю доходов Кайгородка, однако, составляли таможенные сборы, указывающие не на процветание местных жителей, а на активизацию торгового обмена в городах на сибирской дороге. Увеличение фискальной нагрузки вызывало массовое разорение, бегство и вооружённое сопротивление населения. Такой была цена увеличения денежных поступлений в государеву казну. И если при взгляде из Кремля действительно могло возникнуть ощущение экономического подъёма, то на местах ситуация накалялась, суля в перспективе серию крупных социальных взрывов.

Годы правления первого представителя династии Романовых для уездов Русского Севера в экономическом плане прошли под знаком постепенного преодоления последствий Смутного времени, ликвидировать которые полностью, однако, так и не удалось. В Пскове и Псковском уезде, например, в благоприятном для региона 1644/45 г. удалось собрать около 12 тыс. руб. таможенных, кабацких и четвертных денег, тогда как аналогичные сборы здесь в 1597/98 г. были втрое больше — почти 38 тыс. руб.⁷¹ По сравнению с уровнем конца Смутного времени поступления с торгов и кабаков в приказ Новгородской четверти к финалу царствования Михаила Фёдоровича выросли на 90%, что, на первый взгляд, должно свидетельствовать об экономическом росте и хозяйственном восстановлении. Однако имеющаяся в распоряжении исследователя статистика оставляет меньше поводов для оптимизма: три четверти этого впечатляющего роста пришлось на первую половину 1620-х гг. и обеспечивались не оживлением хозяйственной жизни, а усилением контроля за взиманием пошлин на местах. С этого момента динамика поступлений в казну стала более скромной: кабацкие и таможенные сборы приказа Новгородской четверти к середине 1640-х гг. в сравнении с уровнем двадцатилетней давности выросли лишь на четверть, а доля прочих (четвертных) доходов оставалась незначительной, менее 10% от общей суммы. Отразившийся в приходе-расходной документации московских приказов факт увеличения собираемости денег в городах и уездах Севера на 25–30% не должен вводить в заблуждение — рост поступлений в казну обеспечивался зачастую силами откупщиков и оборачивался быстрым разорением посадского и уездного населения, что, в свою очередь, провоцировало протестные движения в северных городах 1630-х гг. и готовило почву для череды более мощных восстаний 1647–1650 гг., развернувшихся в Соли Вычегодской, Великом Устюге, Каргополе, Тотье, Кайгородке, Чердыни, Соли Камской, Великом Новгороде и Пскове. Между тем анализ статистики сборов в городах Русского Севера позволяет делать выводы не только о степени наполняемости государственной казны. Ставший заметным со второй половины 1630-х гг. упадок городов Крайнего Севера при одновременном стремительном подъёме Вологды, Каргополя, Соли Вычегодской и Пермских городов свидетельствует о возросшей торгово-экономической активности на путях, связывавших европейскую часть Московского государства с Сибирью.

⁷⁰ Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 2. Киев, 1917. С. 70; Пугач И.В. Города Русского Севера... С. 81.

⁷¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 30, л. 30 об.–40; ф. 396, оп. 1, д. 52536, л. 12.

**Таможенные и кабацкие сборы в городах Русского Севера 1620–1640-х гг.
(Суммы указаны в рублях и округлены до целого количества рублей)**

Архангельск

Год	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30
Таможня	17 519	18 282	21 164	22 246	25 448	24 556	22 903	26 575
Кабаки	4 188		9 135	9 495	9 515	9 426	11 395	11 046
Всего	21 707		30 299	31 741	34 963	33 982	34 298	37 621
	1630/31	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39
Таможня	22 786	24 192	25 395	27 639	31 658	30 354	31 719	31 442
Кабаки		9 899	8 061					
Всего		34 091	33 456					
	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45		
Таможня	23 143	28 730		31 133	27 832	26 213		
Кабаки		9 836	9 698	9 100	8 697	7 831		
Всего		38 566		40 233	36 529	34 044		

Составлено по: ПРК. С. 62–65, 254, 255; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 204–210; кн. 16, л. 46–48, 61 об., 70, 71; кн. 18, л. 689 об., 703 об., 709, 710; кн. 22, л. 131 об., 158–161 об.; кн. 28, л. 243 об., 244, 251, 259, 276, 276 об., 279, 337, 337 об., 339–345; кн. 29, л. 124–126 об.; кн. 30, л. 124, 125 об.; ф. 141, оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 7, 24, 115; д. 86 (1640 г.), л. 99; д. 38 (1642 г.), л. 128, 130–137; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 104–109, 112, 115, 116, 208, 388, 390, 391, 617–622, 633–635; д. 40631, л. 32, 33, 37, 96, 97, 135–137, 154, 243; д. 40772, л. 91, 181.

Великий Новгород

Год	1619/20	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	776	1 084		1 575	1 588	1 651	1 849	2 338
Кабаки	1 415	2 007	2 322	2 868	2 985	3 027	3 106	3 137
Всего	2 191	3 091		4 443	4 573	4 678	4 955	5 475
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37
Таможня	1 945	1 757	2 290	1 862	2 378			
Кабаки	3 281	3 326	3 517	3 622	4 389	4 452	4 588	4 693
Всего	5 226	5 083	5 807	5 484	6 767			
	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня						2 361	2 378	2 595
Кабаки	4 746	4 746	4 746	4 746	4 746	4 746	4 746	4 798
Всего						7 107	7 124	7 393

Составлено по: ПРК. С. 8; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 12-а, л. 12 об., 33 об.; кн. 13-б, л. 14, 14 об., 84 об.–85; кн. 15, л. 11, 13; кн. 18, л. 16 об.–18; кн. 19, л. 19 об., 55; кн. 20, л. 19 об.; кн. 21, л. 76 об.; кн. 22, л. 10, 17 об., 19, 19 об., 114 об., 115; кн. 23, л. 1, 33, 33 об., 114 об., 115, 149 об., 150, 224, 224 об., 297, 297 об., 412–413; кн. 24, л. 134 об.–136, 259–260 об., 339 об.–340 об.;

кн. 28, л. 3, 12 об.; кн. 29, л. 84–84 об.; кн. 30, л. 16 об.; ф. 141, оп. 1, д. 4 (1621 г.), л. 116; д. 61 (1628 г.), л. 10, 11, 21; д. 75 (1634 г.), л. 33; ф. 233, оп. 1, кн. 5, л. 75 об.; кн. 11, л. 254, 352; кн. 15, л. 251; кн. 17, л. 200–200 об.; кн. 19, л. 239; кн. 25, л. 191; кн. 31, л. 56 об.; кн. 671, л. 255 об.–256; ф. 371, оп. 2, д. 9, л. 82; д. 37, л. 170 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 169, 171.

Великий Устюг

Год	1620/21	1621/22	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1630/31	1631/32
Таможня	1756	1867	3904	4266	4415	4300	4130	2952
Кабаки	5048	6642	7513	8243	8248	8439	7986	8280
Всего	6804	8509	11417	12509	12663	12739	12116	11232
	1632/33	1633/34	1634/35	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41
Таможня	3879	3750	3929	3535	3975	3778	4070	4127
Кабаки	7258	9252	8847	8691	7740	6709	5986	7345
Всего	11137	13002	12776	12226	11715	10487	10056	11472
	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45				
Таможня	5357	5379	5644	4043				
Кабаки	8338	10115	8715	5808				
Всего	13695	15494	14359	9851				

Составлено по: ПРК. С. 329, 336–338; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 6, л. 14, 16, 18–32 об., 77, 79; кн. 9, л. 1–4; кн. 14, л. 41, 43, 46–79; кн. 16, л. 39, 43, 46–78; кн. 17, л. 16, 21, 25 об., 27, 27 об., 31, 31 об., 34–67 об., 169, 171; кн. 21, л. 18, 31, 35; кн. 22, л. 25, 25 об., 29, 29 об., 33–67 об.; кн. 28, л. 5 об., 13 об., 25, 65, 65 об., 70, 70 об., 74–101, 188; кн. 43, л. 40, 45, 45 об., 49 об.–75; кн. 45, л. 36, 47, 80 80 об., 84, 85, 87–98, 229, 230; кн. 51, л. 21, 22, 27, 27 об., 30–37, 133; кн. 72, л. 22–42; Суздаль, кн. 2, л. 20, 21, 26, 26 об., 29–38, 149; ф. 141, оп. 1, д. 76 (1627 г.), л. 3, 92; д. 74 (1628 г.), л. 150; д. 66 (1636 г.), л. 12; оп. 2, д. 37 (1641 г.), л. 45, 227, 233, 543, 544.

Вологда

Год	1619/20	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1631/32
Таможня	3273	5786	5616	5556	5813	5962	6265	
Кабаки	2359	4548	4680	4734	5036	5133	5432	5642
Всего	5632	10334	10296	10290	10849	11095	11697	
	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40
Таможня	7723	7576	6864	7490	8328	7026	10194	9413
Кабаки	6215	6770	6791	6823		6646	7416	8263
Всего	13938	14346	13655	14313		13672	17610	17676
	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45			
Таможня	9996	9499	10921	11000	13167			
Кабаки	8738	9312	9922	8977	8035			
Всего	18734	18811	20843	19977	21202			

Составлено по: ПРК. С. 28, 33; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 97, 98, 99, 99 об.; кн. 16, л. 379–380; кн. 18, л. 410 об.–412; кн. 22, л. 75 об.–76 об., 77 об.; кн. 23, л. 59 об.–61, 181,

182, 341–343; кн. 28, л. 114–116, 122–123 об.; кн. 30, л. 59–60 об., 282; ф. 141, оп. 1, д. 4 (1621 г.), л. 240; д. 1 (1628 г.), л. 58; д. 61 (1628 г.), л. 59; оп. 2, д. 41 (1636 г.), л. 11, 31–32, 64; д. 89 (1639 г.), л. 72–74; д. 38 (1642 г.), л. 122, 123, 180, 181, 183–187, 189, 190, 195, 638, 639; ф. 233, оп. 1, кн. 16, л. 123; кн. 17, л. 187 об.; кн. 20, л. 81; кн. 26, л. 165 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40208, л. 2, 11, 51; д. 40274, л. 442, 489, 494, 537; д. 40631, л. 26, 27; д. 40672, л. 6; д. 40922, л. 64, 66 об., 67; д. 41504, л. 8.

Вятка (Хлынов, Слободской, Котельнич, Орлов, Шестаков)

Год	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1632/33
Таможня	374		1 231	1 148	1 097	1 291	1 237	
Кабаки	2 507		3 589	2 621	2 080	2 015	2 447	
Всего	2 881	3 431	4 820	3 769	3 177	3 306	3 684	3 221
	1633/34	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43
Таможня								2 032
Кабаки								4 498
Всего	3 020	3 846	5 146	5 485	5 745	5 457	6 368	6 530
	1643/44							
Таможня	2 039							
Кабаки	3 941							
	5 980							

Составлено по: ПРК. С. 280, 282, 284, 285, 287; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 372, 373, 373 об., 381, 382, 382 об., 390, 390 об., 400, 401, 409, 410; кн. 16, л. 382 об., 383 об., 384, 396 об., 397, 400 об., 401 об., 411, 411 об., 412 об., 413, 474, 474 об., 475, 480 об., 481; кн. 18, л. 1034 об., 1035 об., 1036 об., 1046 об., 1047 об., 1048 об., 1059, 1059 об., 1060 об., 1137 об., 1138, 1139, 1145, 1146; кн. 22, л. 225 об.–227 об.; кн. 28, л. 489, 490, 508, 509, 515, 516, 521, 522 об., 539, 540; кн. 29, л. 186–188 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 155, 156; оп. 2, д. 82 (1639 г.), л. 183–185, 252, 290, 291; д. 38 (1642 г.), л. 193–196; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 88, 89, 208; д. 40631, л. 208, 261, 361.

Кайгородок

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1632/33	1633/34
Таможня	119				320		603	609
Кабаки	305				355		351	351
Всего	424	601	657	706	675	674	954	960
	1642/43	1643/44	1644/45					
Таможня	1 053	985	1 233					
Кабаки	351	372	372					
Всего	1 404	1 357	1 605					

Составлено по: ПРК. С. 277; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 356; кн. 16, л. 361–363; кн. 18, л. 1010–1011 об.; кн. 22, л. 215, 215 об.; кн. 28, л. 455–462, 463; кн. 29, л. 176–177; кн. 30, л. 177–177 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 142, 144; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 10; ф. 233, оп. 1, кн. 7, л. 181 об.; кн. 39, л. 1155 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 91; д. 40631, л. 253, 303; д. 40672, л. 51.

Каргополь и Турчасов

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1631/32	1632/33
Таможня	412	888	915	873	883	935		
Кабаки	1 106	1957	2860	3 187	3 066	2988		
Всего	1 518	2 845	3 775	4 060	3 949	3 923	4 131	3 814
	1633/34	1634/35	1637/38	1638/39	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44
Таможня			869	1 275	1 397	1 802	1 859	1 711
Кабаки			3 513	2 513	4 105	4 333	4 414	3 813
Всего	4 288	4 288	4 382	3 788	5 502	6 135	6 273	5 583
	1644/45							
Таможня								
Кабаки								
Всего								

Составлено по: ПРК. С. 298–301; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 476, 477, 534, 535; кн. 16, л. 538 об., 539 об., 559, 559 об., 569 об.; кн. 18, л. 1193–1194, 1215, 1216 об., 1225 об., 1226 об.; кн. 22, л. 245 об.–246 об.; кн. 23, л. 160–161; кн. 28, л. 574, 579, 579 об., 581, 616, 617, 630; кн. 29, л. 205 об.; кн. 30, л. 206 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 174, 175; оп. 2, д. 82 (1639 г.), л. 296–299; д. 38 (1642 г.), л. 106–108, 112; ф. 233, оп. 1, кн. 19, л. 263; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 67; д. 40274, л. 406, 419; д. 40631, л. 228, 229, 266.

Кольский острог

Год	1619/20	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28
Таможня	851	1241	2013	949	1 421	1 927	1 490	1 352
Кабаки	860	1 266	1 015	840	1 507	1 408	1 593	1 539
Всего	1 711	2 507	3 028	1 789	2 928	3 335	3 083	2 891
	1628/29	1629/30	1630/31	1632/33	1633/34	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня	3 742	3 040	1 650			800		
Кабаки	2 323	1 017				1 023		
Всего	6 065	4 057		4 258	4 221	1 823	2 117	2 150

Составлено по: ПРК. С. 133, 318; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 654, 655; кн. 16, л. 675 об.–676; кн. 18, л. 1335, 1336 об.–1338, 1342–1343, 1344 об.–1345 об.; кн. 22, л. 269 об.–270 об.; кн. 28, л. 729, 731, 732, 738, 740, 746; кн. 29, л. 226, 227 об., 228 об.–229; кн. 30, л. 229 об., 234, 234 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 203–205, 265, 270, 315, 328–332; д. 40631, л. 87, 88; д. 40772, л. 123, 126.

Мезень и Кеврола

Год	1619/20	1620/21	1623/24	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30
Таможня	290	250	920	966	595	482	592	471
Кабаки	876	459	1839	2058	2162	2196	2178	1485
Всего	1166	709	2759	3024	2757	2678	2770	1956
	1632/33	1633/34	1634/35	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41
Таможня			682	701	929	428		
Кабаки			1518	1580	1663	849		
Всего	1645	1551	2200	2281	2592	1227	1506	1756
	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45				
Таможня	441	360	428					
Кабаки	1272	1335	1503					
Всего	1713	1695	1931	1347				

Составлено по: ПРК. С. 78, 85–87, 267, 268; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 285 об., 288 об., 290, 290 об.; кн. 16, л. 222, 223 об., 304; кн. 18, л. 875–877 об., 955 об.; кн. 22, л. 187–189; кн. 23, л. 51 об.–52 об., 124, 124 об., 169 об., 309, 309 об., 418–422; кн. 24, л. 405 об.–407; кн. 28, л. 267, 363, 363 об., 366, 368, 371, 373 об., 374, 401–404; кн. 29, л. 150–151; кн. 30, л. 148 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 105, 106; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 66, 177, 259; д. 82 (1639 г.), л. 188; д. 38 (1642 г.), л. 196, 644–646, 649; д. 72 (1646 г.), л. 122; ф. 233, оп. 1, кн. 7, л. 470; кн. 9, л. 186; кн. 11, л. 282; кн. 16, л. 52; кн. 17, л. 245; кн. 25, л. 229 об.; кн. 29, л. 113 об.–114; кн. 38, л. 97, 274; кн. 39, л. 854; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 75–76; д. 40631, л. 79–80, 164–167.

Псков

Год	1619/20	1622/23	1623/24	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	2701	3213	4668	3205	2430	2840	1899	2653
Кабаки	4337	4552	5099	4942	4958	4342	4262	4478
Всего	7038	7765	9767	8147	7388	7182	6161	7131
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1635/36	1636/37
Таможня	3075			2323	2174	3243	3296	3296
Кабаки	4531	4583	4583	4625	4730	4820	5166	5240
Всего	7606			6948	6904	8063	8462	8536
	1637/38	1638/39	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня	3296	3296	3296	3296	3296	3233	3233	3565
Кабаки	5240	5240	5240	5240	5240	5303	5345	5397
Всего	8536	8536	8536	8536	8536	8536	8578	8962

Составлено по: ПРК. С. 18, 19; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Псков, кн. 4, л. 6 об.–9 об.; Новгород, кн. 15, л. 48, 48 об., 52, 52 об.; кн. 16, л. 178, 179, 262 об.; кн. 18, л. 121 об., 123–126; кн. 22,

л. 44 об., 46 об., 47; кн. 23, л. 6–7, 22, 22 об., 43 об.–46 об., 116, 117, 159, 159 об., 234–235, 242, 242 об., 246 об., 295–296, 356 об.–360 об., 426–426 об.; кн. 24, л. 136 об.–137 об., 264 об., 265 об., 349–351 об.; кн. 28, л. 57, 60; кн. 29, л. 36 об.; кн. 30, л. 32 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 29–31, 37; оп. 2, д. 89 (1639 г.), л. 44, 54; д. 38 (1642 г.), л. 16–21; д. 83 (1642 г.), л. 7–7 об.; ф. 233, оп. 1, кн. 11, л. 351 об.–352 об.; кн. 15, л. 294; кн. 17, л. 210 об.; кн. 19, л. 238 об.; кн. 22, л. 134; кн. 23, л. 59; кн. 25, л. 191–191 об.; кн. 29, л. 157 об.–158; кн. 41, л. 428; кн. 671, л. 256; ф. 396, оп. 1, д. 40774, л. 120, 128, 138, 140, 141, 207, 347, 356–365, 378, 380, 424; д. 40772, л. 88.

Пустьозерск

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1632/33
Таможня	79	251	201	181	300	379	294	
Кабаки	150	252	390	235	495	536	380	
Всего	229	503	591	416	795	915	674	564
	1633/34	1642/43	1643/44	1644/45				
Таможня								
Кабаки								
Всего	352	377	347	342				

Составлено по: ПРК. С. 322; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 682, 683, 686, 688; кн. 16, л. 718, 720 об.; кн. 18, л. 1375, 1376, 1379–1379 об., 1382, 1385–1387 об., 1388; кн. 22, л. 280, 280 об.; кн. 28, л. 756, 757, 761–764; кн. 29, л. 236–236 об.; кн. 30, л. 242 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40631, л. 234–237.

Соль Вычегодская

Год	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	1 149	760	924	1 009	1 334	1 311	1 678	1 560
Кабаки	1 894	2 493	2 941	2 753	2 714	2 530	2 579	3 432
Всего	3 043	3 253	3 865	3 762	4 048	3 841	4 257	4 992
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1636	1637
Таможня	1 425	1 503	1 089	1 100	1 259	1 116		
Кабаки	3 050	2 348	2 424	2 575	2 567	2 821		
Всего	4 475	3 851	3 513	3 675	3 826	3 937	4 124	4 124
	1638	1639	1639/40	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня	1 150	727	1 756	1 737	1 635	1 862	2 244	2 140
Кабаки	3 725	2 352	4 357	4 187	3 715	4 737	5 491	4 743
Всего	4 875	3 079	6 113	5 924	5 350	6 599	7 735	6 883

Составлено по: ПРК. С. 357, 358; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Устюг, кн. 6, л. 34, 35 об., 37–41 об., 37 об., 41, 192, 193, 195–199 об.; кн. 9, л. 78, 103, 104, 106–110, 245 об.; кн. 12а, л. 144, 145, 147–151; кн. 14, л. 81, 83, 86–93; кн. 16, л. 81, 83, 86 об., 92; кн. 17, л. 76, 76 об., 83 об.–90, 245; кн. 21, л. 73, 73 об., 75; кн. 22, л. 68, 68 об., 71, 75–81, 83, 199; кн. 28, л. 7, 17 об., 105 об., 107, 110–118, 261–264 об., 267, 269 об., 270 об.–271 об., 272 об., 274 об.; кн. 43, л. 81, 82, 83–86, 88–90; кн. 45, л. 114, 101–102, 103, 105–114, 346 об.; кн. 51, л. 52, 52 об., 54, 54 об., 54 а, 54а об., 57–62; кн. 72, л. 64–66 об., 69, 69 об., 73–80; Суздаль, кн. 2, л. 54, 54 об., 56, 56 об., 59–66, 269; ф. 141, оп. 1, д. 74 (1628 г.), л. 97; д. 57 (1631 г.), л. 468; д. 38 (1632 г.), л. 393; ф. 233, оп. 1, кн. 26, л. 214 об.; ф. 396, оп. 1, д. 39987, л. 15 об.

Соль Камская

Год	1619/20	1620/21	1621/22	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	382	418		1325	1013	783	876	1239
Кабаки	1915	1844		3019	2492	1831	1776	2122
Всего	2297	2262	2707	4344	3505	2614	2652	3361
	1629/30	1632/33	1633/34	1635/36	1636/37	1637/38	1638/39	1639/40
Таможня	1345	1401	1753	2380	2395	2733	3162	3164
Кабаки	3114	4728	3862	2758	3083	3565	3621	3684
Всего	4459	6129	5615	5138	5478	6298	6783	6848
	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45			
Таможня	2960		3275	3320	3320			
Кабаки	4163		4315	4375	4375			
Всего	7123	6872	7590	7695	7695			

Составлено по: ПРК. С. 90, 91, 273, 275; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 342, 343; кн. 16, л. 340, 341; кн. 18, л. 989–989 об., 991; кн. 22, л. 206–207; кн. 24, л. 377 об.–378 об.; кн. 28, л. 419, 420 об., 422, 423 об., 424 об., 427 об., 440, 446, 447; кн. 29, л. 167; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 131, 132; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 86, 105, 292, 293, 308; д. 82 (1639 г.), л. 247–251; д. 38 (1642 г.), л. 148–150; ф. 233, оп. 1, кн. 29, л. 50 об.; кн. 36, л. 126 об.; кн. 671, л. 12 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 20; д. 40631, л. 172.

Тотьма

Год	1620/21	1621/22	1622/23	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29
Таможня	874	789	1204	1582	1748	1748	1634	1659
Кабаки	1236	1044	1502	1842	1846	1846	1488	1270
Всего	2110	1833	2706	3424	3594	3594	3122	2929
	1629/30	1630/31	1631/32	1632/33	1633/34	1634/35	1636	1637
Таможня	2094	3328	2845	1900	1770	2040		
Кабаки	1718	2000	2298	1762	1556	1300		
Всего	3812	5328	5143	3662	3326	3340	3523	3523
	1639	1640/41	1641/42	1642/43	1643/44	1644/45		
Таможня	2265	2803	2391	1140	1684	2267		
Кабаки	1355	1645	1548	1163	1121	1187		
Всего	3620	4448	3939	2303	2847	3454		

Составлено по: ПРК. С. 376; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Суздаль, кн. 2, л. 70, 71, 74, 75, 79–83, 336; Тотьма, кн. 1, л. 18–19 об., 20 об.; Устюг, кн. 6, л. 44–46, 303–305; кн. 9, л. 227–229; кн. 12а, л. 123–125; кн. 14, л. 94, 98, 101–104, 407; кн. 16, л. 22, 22 об.; кн. 17, л. 96, 98, 100–103, 329, 330, 418 об.; кн. 21, л. 89, 89 об., 91, 91 об., 93, 94, 95, 96, 99; кн. 22, л. 85, 88, 90 об., 91 об., 92, 93, 96; кн. 28, л. 39, 130, 130 об., 133, 133 об., 136, 137, 138, 139, 141, 381–385, 387 об., 388 об., 389 об., 390 об.; кн. 43, л. 94, 102, 103, 103 об.; кн. 45, л. 116–117 об., 123, 123 об., 125, 125 об.; кн. 51, л. 67, 67 об., 70, 70 об., 72 об.–74; кн. 72, л. 86, 88, 95, 96, 99, 99 об., 105–108; Чаронда, кн. 2, л. 50 об., 51 об.; ф. 141, оп. 2, д. 37 (1641 г.), л. 545; ф. 233, оп. 1, кн. 26, л. 233 об.; ф. 396, оп. 1, д. 50394, л. 30.

Чердынъ

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1632/33	1633/34
Таможня	133	154	135	165	99	78		
Кабаки	822	1 139	1 172	1 013	1 029	1 024		
Всего	955	1 293	1 307	1 178	1 128	1 102	1 289	1 463
	1642/43	1643/44	1644/45					
Таможня	291	263						
Кабаки	2 470	2 385						
Всего	2 761	2 648	1 027					

Составлено по: ПРК. С. 88, 89, 270, 271; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 324, 325; кн. 16, л. 313, 316 об.; кн. 18, л. 962; кн. 22, л. 197, 197 об.; кн. 28, л. 412, 413; кн. 29, л. 158–159; кн. 30, л. 157 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 119, 120; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 161; ф. 233, оп. 1, кн. 10, л. 89; ф. 396, оп. 1, д. 40258, л. 3.

Яренский городок

Год	1620/21	1624/25	1625/26	1626/27	1627/28	1628/29	1629/30	1630/31
Таможня	359	495	629	946	791	561	639	569
Кабаки	367	625	697	827	1005	1039	877	657
Всего	726	1120	1326	1774	1796	1600	1516	1226
	1632/33	1633/34	1635/36	1636/37	1637/38	1642/43	1643/44	1644/45
Таможня						757	795	
Кабаки						1062	984	
Всего	1122	1147	1304	2154	2260	1819	1779	1779

Составлено по: ПРК. С. 291; РГАДА, ф. 137, оп. 1, Новгород, кн. 15, л. 428, 429; кн. 16, л. 503, 504 об.–505; кн. 18, л. 1175 об.–1177; кн. 22, л. 236 об.–237; кн. 23, л. 313–314 об.; кн. 28, л. 549, 550, 552, 569 об.–572; кн. 29, л. 196 об.–197; кн. 30, л. 197–197 об.; ф. 141, оп. 1, д. 61 (1628 г.), л. 164; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 522 об.; кн. 25, л. 158; кн. 30, л. 36 об., 103 об.; кн. 41, л. 322 об.; ф. 396, оп. 1, д. 40274, л. 200; д. 40631, л. 57–60; д. 40672, л. 46.